Рождество Эркюля Пуаро

Автор:
Агата Кристи

Рождество Эркюля Пуаро

Агата Кристи

Эркюль Пуаро #22

На празднование Рождества престарелый миллионер Симеон Ли в кои-то веки решил собрать всю свою многочисленную родню. Но праздник был неожиданно прерван грохотом мебели, за которым последовал ужасный крик. Сбежавшиеся на шум домочадцы обнаружили главу семейства лежащим в луже крови посреди своего кабинета. На место преступления вызван инспектор Сагден, у которого, по счастливой случайности, в то время гостил непревзойденный детектив Эркюль Пуаро. Естественно, он тоже приехал в дом Ли, где обнаружил атмосферу всеобщей подозрительности. Миллионера мог убить кто угодно – ибо вся родня втайне ненавидела этого семейного тирана. Улик много, но ни одна из них не указывает ни на кого из присутствующих. Вот оно, настоящее дело для «серых клеточек» великого бельгийца…

Агата Кристи

Рождество Эркюля Пуаро

…Но кто бы мог подумать,

Что в старике так много крови?

У. Шекспир «Макбет»[1 - Пер. М. Лозинского.]

© Бушуев А.В., Бушуева Т.С., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

От автора

Мой дорогой Джеймс![2 - Джеймс Уотт – муж старшей сестры А. Кристи.]

Ты всегда был моим самым верным и доброжелательным читателем, и я была не на шутку встревожена, когда услышала от тебя слово критики. Ты пожаловался, что-де мои убийства стали чересчур интеллигентными, даже анемичными. Ты возжаждал «хорошего зверского убийства и много-много крови». Убийства, в жестокости которого ни у кого не возникнет сомнений!

Итак, это история, написанная специально для тебя. Надеюсь, она тебе понравится.

Любящая тебя свояченица Агата

Часть I

22 декабря

Глава 1

Подняв воротник пальто, Стивен быстрым шагом прошел по платформе. Над железнодорожным вокзалом висел туман. Огромные локомотивы громко шипели, выбрасывая в стылый сырой воздух облака пара. Все вокруг было грязным и почерневшим от копоти.

«Что за мерзкая страна!.. Что за мерзкий город!» – с отвращением думал он.

Первая восторженная реакция на Лондон, с его магазинами, ресторанами и шикарно одетыми женщинами, куда-то улетучилась. Теперь город представлялся ему куском сверкающего горного хрусталя в дешевой, безвкусной оправе.

Вот если б снова оказаться дома, в Южной Африке! Стоило подумать об этом, как он тотчас испытал острый приступ тоски по дому. Солнце… голубое небо… цветущие сады… цветы… изгороди из сланцевых плиток… синие вьюнки, цепляющиеся за стены домов…

А здесь… грязь, копоть и бесконечные толпы людей, вечно куда-то спешащих и толкающихся. Вечно занятые делом муравьи, трудолюбиво снующие вокруг муравейника.

«Наверное, зря я сюда приехал», – промелькнуло у него в голове.

Затем, вспомнив про цель приезда, Стивен сурово поджал губы. Нет, черт побери, он доведет это дело до конца! Он столько лет посвятил разработке планов… Он всегда намеревался это сделать… И он это сделает. Да-да, он непременно доведет задуманное до конца!

Это короткое сомнение, эти внезапные вопросы, адресованные самому себе… Зачем? Стоит ли оно того? К чему цепляться за прошлое? Почему бы не забыть обо всем? Нет, все это лишь минутная слабость. Он не мальчик, чтобы шарахаться из стороны в сторону в угоду мимолетной прихоти. Он – сорокалетний мужчина, уверенный в себе, имеющий цель в жизни. Он доведет дело до конца. Он выполнит то, что привело его в Англию.

Стивен вошел в вагон и зашагал по коридору в поисках свободного места. Он отказался от услуг носильщика и сам нес свой кожаный чемодан, заглядывая в одно купе за другим. Поезд был полон. Все места заняты. До Рождества оставалось всего три дня. Стивен Фарр с раздражением смотрел на переполненные вагоны.

Повсюду люди! Безликая людская масса! Такая… какое бы подобрать слово… серая, такая унылая! Все одинаковые, не отличимые друг от друга! Те, у кого не

было овечьих физиономий, походили на кроликов, подумал Фарр. Некоторые болтали и суетились. Другие, преклонного возраста, недовольно ворчали. Эти были больше похожи на свиней.

Даже девушки, стройные, с лицом в форме сердечка, с алыми губами, были удручающе одинаковы. Стивен неожиданно подумал о том, что тоскует по вельду[3 - Вельд (велд) – обширные засушливые плато в Южной Африке, главным образом в ЮАР, расположенные в междуречье рек Лимпопо и Вааль и в верхнем течении реки Оранжевая.], по пустынным, выжженным солнцем равнинам.

Он заглянул в очередное купе, и у него перехватило дыхание. Эта девушка была совершенно иной. Черные волосы, красивая матовая кожа, глаза, в которых есть глубина и темнота ночи. Печальные, гордые глаза Юга… С трудом верилось, что такая девушка сидит в поезде среди этих серых, унылых людей. Что забыла она в серой, тоскливой внутренней Англии? Ей следовало стоять на балконе с розой в зубах, с черной кружевной мантильей на гордой головке… а вокруг должны быть пыль и жара… И запах крови – запах корриды – должен царить в воздухе. Ей полагалось сиять красотой, а не сидеть, забившись в угол, в купе железнодорожного вагона третьего класса.

Стивен Фарр был наблюдателен. От его цепкого взгляда не ускользнуло ничто: ни потертое черное пальто, ни ношеная юбка, ни дешевые матерчатые перчатки и такие же дешевые туфли, ни дерзкая нота огненно-красной сумочки. Тем не менее чувствовался в ней некий шик. Она была прекрасна, этакий яркий, экзотический цветок…

Какого дьявола она забыла в этой стране туманов, холода и вечно куда-то спешащих трудолюбивых муравьев?

«Я должен узнать, кто она такая и что делает здесь… – подумал Стивен. – Я обязан это узнать».

Глава 2

Пилар сидела, прижавшись к окну, и думала о том, как непривычно и странно пахнут англичане. Именно это поразило ее в Англии сильнее всего – совершенно иные запахи. Ни запаха чеснока, ни пыли, почти не пахло духами. В холодном вагоне стоял затхлый запах железных дорог – серы, мыла и еще один, ужасно противный. Похоже, он исходил от мехового воротника дородной особы, сидевшей с ней рядом. Пилар брезгливо принюхалась, вдыхая запах нафталина. И как только люди носят такое на себе, подумала она.

Раздался паровозный гудок, что-то прокричал зычный голос, и поезд, дернувшись, тронулся с места. Ага, они едут. Она тоже едет…

Сердце учащенно забилось в груди. Получится ли у нее? Сумеет ли она осуществить задуманное? Несомненно… Она ведь все обдумала, все до мельчайших подробностей… И теперь готова ко всему, к любому повороту событий. Нет-нет, у нее все получится… у нее непременно должно все получиться… обязательно…

Уголки рта Пилар поползли вверх. Внезапно он стал каким-то жестоким, этот рот. Жестоким и жадным… как губы капризного ребенка или котенка… рот, которому ведомы одни лишь собственные желания, зато пока не ведома жалость.

Она с жадным любопытством ребенка огляделась по сторонам. Все эти люди, семеро… как забавно… все они англичане! Все на вид такие богатые, такие преуспевающие… чего только стоит их одежда… их обувь… О да, похоже, Англия – богатая страна, как она всегда слышала. Зато какие унылые у всех лица, какие удручающе серьезные…

Зато в коридоре стоит видный мужчина. Настоящий красавец, подумала Пилар. Ей понравилось его загорелое бронзовое лицо, прямой нос и широкие плечи. Девушка тотчас поняла: он тоже любуется ею. Хоть и не разглядывая его в упор, она знала: он то и дело сморит на нее… более того, знала, как именно он на нее смотрит.

Пилар отметила это без особого интереса или эмоций. Она родом из той страны, где мужчины без стеснения рассматривают женщин и не скрывают своего интереса, так как не видят в этом ничего неприличного. «Интересно, он англичанин? – задумалась Пилар и решила, что нет. – Он слишком живой,

слишком реальный, чтобы быть англичанином, – был ее вывод. – При этом он светловолос. Должно быть, американец». Он был похож на тех актеров, которых она видела в фильмах про Дикий Запад.

По коридору прошел проводник, толкая перед собой тележку.

– Первая смена! Первая смена! Занимайте места все, у кого билеты на ланч в первую смену!

У всех семи других пассажиров в купе Пилар имелись билеты на первую смену. Они дружно встали и вышли. Купе неожиданно опустело.

Пилар быстро подняла на пару дюймов окно, которое только что слегка опустила воинственного вида седовласая дама в противоположном углу. Затем откинулась на спинку сиденья и устремила взгляд на северные пригороды Лондона. Оборачиваться на звук отодвигаемой двери купе она не стала. Это был тот самый мужчина, что стоял в коридоре. Пилар не сомневалась: он вошел в вагон специально для того, чтобы заговорить с ней.

Она продолжала задумчиво смотреть в окно.

– Не желаете до конца опустить окно? – спросил Стивен Фарр.

– Напротив. Я только что его закрыла, – вежливо ответила Пилар. По-английски она говорила прекрасно, хотя и с едва заметным акцентом.

Возникла пауза. «Какой прекрасный голос. В нем чувствуется солнце… Он теплый, как летняя ночь…» – подумал Стивен.

«Какой чудесный голос. Такой проникновенный, такой сильный… И сам он тоже хорош собой, да-да, очень даже хорош», – промелькнуло в голове Пилар.

– Поезд забит до отказа, – сказал Стивен.

– О да! Люди уезжают из Лондона. Наверное, потому, что здесь все так мрачно.

В детстве Пилар не учили тому, что разговаривать с незнакомцами в поездах нехорошо. Как и любая девушка, она при необходимости могла дать отпор наглецу, но строгие запреты были ей чужды.

Если б Стивен вырос в Англии, возможно, он не решился бы вступить в разговор с незнакомой девушкой. Но Стивен, человек общительный, считал абсолютно естественным разговаривать с тем, с кем ему хочется. Он без всякого стеснения улыбнулся и сказал:

– Лондон – ужасное место, не правда ли?

– О да. Мне он совсем не нравится.

– И мне тоже.

– Вы ведь не англичанин, верно? – спросила Пилар.

– Я британский подданный, но приехал сюда из Южной Африки.

– О, тогда все понятно.

– Вы ведь тоже приехали из-за границы? – Ему было любопытно узнать это.

Пилар кивнула.

– Я из Испании.

– Из Испании? Так вы испанка?

– Я наполовину испанка. Моя мать англичанка. Вот почему я так хорошо говорю по-английски.

– У вас там война?[4 - Роман А. Кристи «Рождество Эркюля Пуаро» был написан в 1938 г., когда в Испании шла гражданская война.] – поинтересовался Стивен.

– Это ужасно. Все так печально… Много разрушений, очень много… да.

– Лично вы на чьей стороне?

Политические пристрастия Пилар оказались довольно туманны. В ее родном городке, пояснила она, никто не обращал внимания на войну.

– Видите ли, это довольно далеко от нас. Мэр, он, конечно, офицер правительственных войск, поэтому он за правительство, а священник – за генерала Франко… но большинство людей заняты виноградниками и землей, и у них нет времени вдаваться в такие тонкости.

– Значит, рядом с вами боев не было?

Пилар ответила, что нет, не было.

– Но однажды я ехала через всю страну на машине, – объяснила она, – и видела много разрушений. Я также видела, как падают бомбы и как одна из них попала в машину, а другая уничтожила дом. Незабываемое зрелище!

Стивен Фарр улыбнулся уголком рта.

– То есть для вас это было лишь зрелище?

– Нет, конечно, потому что из-за этого возникли трудности, – объяснила Пилар. – Я хотела ехать дальше, но водителя моей машины убило.

– Но это вас не огорчило? – спросил Стивен, не сводя с нее взгляда.

Огромные темные глаза Пилар распахнулись еще шире.

– От смерти не спрячешься. Все когда-то умрут. Разве не так? Даже если она приходит быстро, с неба – бах! – она ничем не отличается от любой другой смерти. Человек какое-то время жив, а потом умирает. Так устроен мир.

– Значит, вы не пацифистка, – улыбнулся Стивен.

– Кто-кто? Как вы сказали? – Похоже, Пилар озадачило незнакомое слово, ранее не входившее в ее лексикон.

– Вы прощаете своих врагов, сеньорита?

Пилар покачала головой.

– У меня нет врагов. Но если б были…

– Что тогда?

Он наблюдал за ней, вновь очарованный ее сочными, жестокими губами.

– Будь у меня враг, – серьезно начала девушка, – если б кто-то ненавидел меня, а я в ответ ненавидела его… Я бы перерезала ему горло… вот так.

Она выразительно чиркнула себя ребром ладони по горлу. Движение было быстрым и жестоким, и Стивен Фарр на мгновение оторопел.

– Да вы кровожадная молодая особа! – сказал он.

– А что бы вы сделали со своим врагом? – неожиданно спросила она.

Стивен вздрогнул, посмотрел на нее и рассмеялся.

– Наверное… – задумался он. – Если честно, не знаю.

– Неправда, наверняка знаете, – неодобрительно произнесла Пилар.

Мужчина перестал смеяться, вздохнул и, понизив голос, сказал:

– Ну хорошо, допустим, что знаю… А что заставило вас приехать в Англию? – спросил он, резко меняя тему разговора.

– Еду проведать родственников… моих английских родственников, – уклончиво ответила Пилар.

– Понятно.

Откинувшись на спинку сиденья, Стивен продолжил рассматривать ее, пытаясь представить эту девушку среди британской семьи в дни Рождества.

Интересно, как выглядят ее английские родственники? И как они воспримут чужестранку из Испании?..

– Наверное, в Южной Африке хорошо? – внезапно спросила Пилар.

Стивен принялся рассказывать ей о своей родине. Она слушала его с интересом ребенка, которому рассказывают сказку. Ее наивные, но точные вопросы доставили ему немалое удовольствие. Отвечая на них, Стивен нарочно все слегка приукрашивал, как будто рассказывал сказку.

Конец их разговору положило возвращение пассажиров, у которых были билеты в это купе. Стивен встал, улыбнулся Пилар и вышел в коридор.

Отступив на минуту в сторону, чтобы пропустить в купе пожилую женщину, он посмотрел на диковинный соломенный чемодан Пилар – вернее, на ярлык на нем – и с интересом прочитал ее имя: «Мисс Пилар Эстравадос». Затем его взгляд упал на бирку с адресом. Стивен не поверил собственным глазам: Горстон-Холл, Лонгдейл, Эддлсфилд.

Он повернулся и посмотрел на девушку уже совсем иначе – озадаченно, с легкой злостью и подозрением. Затем вышел в коридор, закурил и нахмурился…

Глава 3

В Горстон-холле, в просторной гостиной в золотисто-голубых тонах, Альфред Ли и его жена Лидия обсуждали планы на Рождество. Альфред был мужчиной средних лет, плотного телосложения, с нежным лицом и добрыми карими глазами. Говорил он ровным тоном, четко выговаривая все слова. Голова его была втянута в плечи, а сам Альфред производил впечатление вялого,

безвольного человека. Лидия, напротив, была решительна, энергична и напоминала поджарую борзую. Она была худа, однако все ее движения – стремительны и грациозны. Лицо, с его резкими чертами, не отличалось красотой, однако в нем чувствовалась порода. А вот голос у нее был на удивление приятный.

– Отец настаивает! – произнес Альфред. – С этим ничего не поделаешь.

Лидия сдержала желание отмахнуться от его довода.

– Неужели обязательно всегда уступать ему? – спросила она.

– Он очень стар, моя дорогая…

– Я знаю… знаю!

– Он ждет, что все будет так, как хочется ему.

– Естественно, – сухо сказала Лилия, – потому что так было всегда! Но рано или поздно, Альфред, тебе придется проявить характер.

– Что ты хочешь этим сказать, Лидия?

Он посмотрел на нее с таким расстроенным и испуганным видом, что она прикусила язык, не зная, стоит ли продолжать разговор.

– Что ты хочешь этим сказать, Лидия? – повторил Альфред Ли.

Лидия пожала изящными плечами.

– Твой отец… склонен… к тирании, – произнесла она.

– Он стар.

– И состарится еще больше. И, как следствие, станет еще большим тираном. Чем все это закончится? Он и сейчас диктует, как нам жить. Помыкает нами как

может. Мы даже не вправе строить собственные планы! Стоит нам это сделать, как он тотчас вставляет нам палки в колеса.

– Отец ждет, что всегда будет для нас на первом месте. Не забывай, он очень добр к нам, – возразил Альфред.

– О, добр к нам!..

– Очень добр, – несколько холодно добавил Альфред.

– Ты имеешь в виду деньги? – невозмутимо уточнила Лидия.

– Да. Его собственные потребности весьма скромны. Для нас же он никогда не жалеет денег. Ты можешь тратить сколько хочешь. На платья и на этот дом, и все чеки оплачиваются без звука. Всего неделю назад он купил для нас автомобиль.

– Согласна, твой отец действительно щедр в том, что касается денег, – сказала Лидия. – Но за это он ждет, что мы будем слушаться его, как рабы.

– Рабы?

– Именно. Ты его раб, Альфред. Пожелай мы куда-нибудь поехать, а твой отец потребовал бы, чтобы мы остались, ты бы поставил на наших планах крест и безропотно подчинился ему. Взбреди ему в голову отправить нас в путешествие, мы бы тотчас уехали. У нас нет своей жизни… мы во всем зависим от него.

– Давай прекратим этот разговор, Лидия, – печально предложил ей муж. – Это крайне неблагодарно. Мой отец столько всего сделал для нас…

Лидия с трудом сдержалась, чтобы не сказать колкость, и в очередной раз пожала изящными плечами.

– Знаешь, Лидия, старик очень любит тебя, – сказал Альфред.

– А я его совсем не люблю, – отчетливо ответила женщина.

– Лидия, мне очень неприятно слышать от тебя подобные вещи. Это так несправедливо…

– Возможно. Но иногда возникает желание сказать правду.

– Если отец догадается…

– Твой отец прекрасно знает, что я его не жалую! Думаю, его это забавляет.

– Ошибаешься, Лидия. Он не раз говорил мне, что очарован тобой, когда ты разговариваешь с ним.

– Естественно, я всегда с ним вежлива. Была и буду. Я просто сообщаю тебе, каковы мои истинные чувства. Мне не нравится твой отец, Альфред. Я считаю, что он злобный и деспотичный старикашка. Он издевается над тобой и злоупотребляет твоей любовью к нему. Тебе еще много лет назад следовало проявить характер…

– Хватит, Лидия. Больше не говори так! – резко произнес Альфред.

Женщина вздохнула.

– Извини. Наверное, я была не права… давай лучше поговорим о планах на Рождество. Как ты думаешь, твой брат Дэвид действительно приедет?

– Почему бы нет?

Она с сомнением покачала головой.

– Дэвид… он странный. И вообще, он не был в этом доме вот уже много лет. Он был так привязан к твоей матери… у него особое отношение к вашему дому.

– Дэвид всегда раздражал отца, – сказал Альфред. – Своей музыкой и своей мечтательностью. Согласен, отец порой бывал излишне суров к нему. Я все-таки думаю, что Дэвид с Хильдой приедут. Как-никак это ведь Рождество.

– Мир и покой, – сказала Лидия. Ее красивые губы скривились в иронической улыбке. – Посмотрим! Джордж и Магдалена тоже приезжают. Они сообщили, что, скорее всего, приедут завтра утром. Боюсь, Магдалене здесь будет ужасно скучно.

– И зачем только Джордж женился на девушке, которая моложе его на целых двадцать лет! – с досадой воскликнул Альфред. – Впрочем, он всегда был болваном!

– Он сделал успешную карьеру, – возразила Лидия. – Избиратели его любят. Мне кажется, Магдалена многое делает для него в том, что касается его политического поприща.

– Мне она совсем не нравится, – медленно проговорил Альфред. – Да, она хороша собой, но порой напоминает мне грушу – розоватая мякоть и бледная, восковая кожура, – сказал Альфред и покачал головой.

– С гнильцой внутри? Ты это хочешь сказать? – уточнила Лидия. – Странно слышать от тебя такое, Альфред.

– Почему странно?

– Потому что ты, как правило… излишне деликатен. От тебя ни о ком почти не услышишь дурного слова. Порой ты этим жутко меня раздражаешь. Тебе недостает… как бы точнее выразиться?.. здорового скепсиса… приземленности.

Альфред улыбнулся.

– Здоровый скепсис, всегда считал я, это вопрос личной точки зрения.

– Неправда! – резко возразила Лидия. – Зло обитает не только в человеческих головах. Оно существует на самом деле! Просто ты его не замечаешь! В отличие от меня. Я чувствую его, чувствую его присутствие … здесь, в этом доме… – Она прикусила губу и отвернулась.

– Лидия!.. – взмолился Альфред.

Но она посмотрела куда-то мимо него и быстро подняла руку в предостерегающем жесте. Альфред обернулся. У двери в почтительной позе застыл молодой, темноволосый мужчина. Лицо его ничего не выражало.

– В чем дело, Хорбери? – резко спросила Лидия.

– Мистер Ли, мадам, – едва слышно произнес Хорбери, – велел передать вам, что на Рождество приедут еще два гостя, и просил вас подготовить для них комнаты.

– Еще два гостя? – переспросила Лидия.

– Да, мадам. Еще один джентльмен и молодая леди, – ответил Хорбери.

– Молодая леди? – удивился Альфред.

– Да, так сказал мистер Ли, сэр.

– Я сейчас поднимусь наверх к нему… – быстро сказала Лидия.

Хорбери сделал крошечный шаг, по сути, лишь подобие движения, но и его было достаточно, чтобы остановить Лидию.

– Простите, мадам, но мистер Ли сейчас спит – обычный послеполуденный сон. Он специально просил не беспокоить его.

– Понятно, – произнес Альфред. – Разумеется, его нельзя беспокоить.

– Благодарю вас, сэр, – сказал Хорбери и удалился.

– Какой отвратительный тип! – в сердцах воскликнула Лидия. – Вечно расхаживает по дому, словно кот… Никогда не услышишь, как он появляется за спиной.

– Я тоже его не люблю. Однако он прекрасно делает свое дело. Нелегко найти мужчину на роль сиделки. К тому же отец любит его, и это самое главное.

– Верно, это самое главное. Кстати, Альфред, что это за молодая леди? Какая молодая леди?

Ее супруг покачал головой.

– Представления не имею. Не знаю даже, кто это может быть.

Они недоуменно посмотрели друг на друга.

– Знаешь, о чем я сейчас подумала, Альфред? – спросила Лидия, скривив губы.

– О чем?

– Мне кажется, твоему отцу в последнее время стало скучно. И он решил в это Рождество устроить себе некое развлечение

– Пригласив двух незнакомых людей?

– Я, конечно, не знаю подробностей, но могу представить себе… что он решил позабавиться над нами.

– Надеюсь, это доставит ему удовольствие, – мрачно произнес Альфред. – Бедняга, ему можно только посочувствовать. Инвалид с больными ногами… и это после той жизни, полной приключений, которая у него была.

– После той жизни… полной приключений, которая у него была, – задумчиво повторила Лидия.

Пауза, которую она сделала перед прилагательным, содержала некий намек. Альфред его уловил. Потому что тотчас покраснел и весь поник.

– Ума не приложу, как у него мог родиться такой сын, как ты! – внезапно сорвалась на крик Лидия. – Вы с ним не похожи, как небо и земля! При этом ты восхищаешься им, ты его обожаешь!

– Тебе не кажется, что ты заходишь слишком далеко, Лидия? – спросил Альфред с ноткой раздражения. – Нет ничего странного в том, что сын любит своего отца. Наоборот, было бы неестественно, будь оно иначе.

– В таком случае, – заявила Лидия, – большинство членов твоей семьи – неестественные. И не спорь со мной! И не обижайся. Знаю, я задела твои чувства. Поверь мне, Альфред, я этого не хотела. Я искренне восхищена твоей… твоей… преданностью. Верность – крайне редкая вещь в наши дни. Скажем лучше, я ревную, ладно? Считается, что женщины ревнуют мужей к свекровям. Почему бы мне не ревновать к свекру?

Альфред нежно обнял ее.

– Твой язык, Лидия, опережает твои мысли. У тебя нет никаких оснований для ревности.

Она ответила ему нежным, покаянным поцелуем в мочку уха.

– Я знаю. И все равно, Альфред, вряд ли я стала бы ревновать тебя к твоей матери. Жаль, что я не знала ее.

– Она была несчастная женщина, – сказал он.

Лидия с интересом посмотрела на мужа.

– Так вот оно что!.. Несчастная женщина… Любопытно.

– Мне она запомнилась вечно хворающей… – задумчиво произнес Альфред. – Часто плакала… – Он покачал головой. – Была напрочь лишена характера.

– Как странно… – не сводя с мужа глаз, тихо проговорила Лидия.

Когда же Альфред повернулся и вопросительно посмотрел на нее, она встряхнула головой и поспешила переменить тему разговора:

– Коль нам не позволено знать, что за таинственные гости приезжают, я, пожалуй, схожу в сад и закончу работу.

– Там очень холодно, дорогая. Ветер пронизывающий.

– Я оденусь потеплее, – сказала Лидия и вышла из комнаты

Оставшись один, Альфред Ли несколько секунд постоял неподвижно, с хмурым лицом, затем подошел к большому окну в дальнем конце комнаты. Снаружи вдоль всей длины дома протянулась терраса. Через пару минут там, одетая в длинное вязаное пальто, появилась Лидия с корзинкой в руках. Поставив корзину на пол террасы, она принялась копать землю в низкой каменной вазе квадратной формы.

Какое-то время муж наблюдал за ней. В конце концов он покинул комнату и, захватив пальто и теплый шарф, вышел на террасу через боковую дверь. Шагая, Альфред миновал несколько каменных ваз, в которых были устроены миниатюрные «сады» – плод трудов умелых рук Лидии.

Одна композиция представляла собой пустыню: ровный слой желтого песка, караван верблюдов и парочка крошечных фигурок арабов.

Из пластилина были вылеплены несколько убогих глинобитных хижин. Имелся также итальянский сад с террасами и цветочными клумбами из разноцветного воска. Был и арктический «сад» с зелеными стекляшками вместо айсбергов и стайкой пингвинов. Рядом приютился сад японский с парочкой прекрасных миниатюрных деревьев, увеличительным стеклом, изображавшим водоем, и вылепленными из пластилина мостиками.

Наконец, Альфред подошел к жене и остановился рядом. Она положила на дно вазы синюю бумагу, а поверх нее – стекло. Вокруг рукотворного «моря» уже вздымались миниатюрные скалы. В данный момент Лидия насыпала между ними из мешочка мелкие камешки и формировала из них морской берег. Между скал торчали крошечные кактусы.

– Да, это именно то, что я и хотела, – пробормотала она.

– Что это за новое произведение искусства? – поинтересовался Альфред.

Лидия вздрогнула, потому что не услышала, как он подошел к ней.

– Это?.. Это Мертвое море, Альфред. Тебе нравится?

– Какое-то оно безводное, верно? – ответил он. – Разве не должно быть здесь больше растительности?

Лидия покачала головой.

– Таково мое представление о Мертвом море. Понимаешь, оно же мертвое…

– Оно не такое красивое, как твои другие работы.

– Но оно и не должно быть особенно красивым.

Внезапно на террасе раздались шаги. Это к ним направлялся пожилой дворецкий, седовласый и слегка сгорбленный.

– Миссис Джордж Ли звонит по телефону, мадам. Спрашивает, будет ли вам удобно, если они с мистером Джорджем приедут завтра утром в двадцать минут шестого.

– Да, передайте им, что нас это устроит.

– Благодарю вас, мадам.

Дворецкий торопливо удалился. Лидия проводила его глазами. Выражение ее лица смягчилось.

– Старый добрый Трессильян… Какой надежный помощник! Представить себе не могу, как бы мы обходились без него.

– Да, это старая гвардия, – согласился с ней Альфред. – Вот уже сорок лет в нашем доме. И так предан нашей семье…

– Верно, – кивнула Лидия. – Типичный старый слуга, как будто сошел со страниц романа. Такой, как он, не задумываясь, солгал бы, будь это нужно ради защиты кого-то из членов семьи.

– Пожалуй, – ответил Альфред. – Да, наверняка он так бы и сделал.

Лидия поправила последний камешек.

– Готово, – сказала она.

– К чему готово? – недоуменно переспросил Альфред.

– К Рождеству! – рассмеялась Лидия. – К сентиментальному семейному Рождеству, которое мы собираемся отпраздновать.

Глава 4

Дэвид читал письмо. Сначала он скомкал листок и в сердцах отшвырнул в сторону. Затем потянулся к нему, поднял, разгладил и снова перечитал.

Его жена Хильда молча наблюдала за ним. Она заметила, как дергается на виске мужа мускул (или это нерв?), как дрожат длинные, изящные пальцы, сколь нервны и судорожны все его движения.

Когда же он убрал прядь светлых волос, которая вечно норовила упасть ему на лоб, и умоляюще поднял на нее голубые глаза, она уже была готова.

– Хильда, что мы будем с этим делать?

Его жена не спешила с ответом. В голосе мужа она уловила мольбу. Дэвид всегда и во всем полагался на нее – так было с самого первого дня, когда они поженились. Она знала: окончательное решение принимать ей. И потому не торопилась высказывать свое мнение.

Когда же Хильда заговорила, голос ее звучал спокойно и ровно, напоминая голос опытной няни в детском саду:

– Все зависит от того, как ты к этому относишься, Дэвид.

Будучи женщиной крупной, Хильда не отличалась красотой, но от нее исходила некая невыразимая притягательность. Таких женщин изображали на своих полотнах голландские живописцы. В звуках ее голоса было нечто теплое и чарующее. При этом в ней чувствовалась сила – скрытая жизненная сила, которую те, кто слабее, находят неодолимой. Невысокая, дородная женщина средних лет, не отличающаяся умом, отнюдь не яркая, но обладающая чем-то таким, мимо чего невозможно пройти. Сила! Хильда Ли обладала силой!

Дэвид встал и принялся расхаживать взад-вперед по комнате. Его волосы были практически не тронуты сединой. Внешне он скорее напоминал юношу. В его лице было нечто от рыцаря с картин Бёрн-Джонса[5 - Эдвард Коли Бёрн-Джонс (1833–1898) – британский художник.]. Лицо человека не от мира сего…

– Ты знаешь, Хильда, что я думаю по этому поводу, – задумчиво произнес Дэвид. – Ты не можешь не знать.

– Я не уверена.

– Но я же говорил тебе, причем не один раз! Как я все это ненавижу – и дом, и местность вокруг него, и все-все! Это не вызывает у меня никаких воспоминаний, кроме уныния. Я ненавидел каждую секунду своего существования, когда рос там! Стоит мне вспомнить об этом… обо всем, что ей довелось вынести… моей матери…

Хильда сочувственно кивнула.

– Она была такая нежная и такая терпеливая. Лежать, испытывая муки, но, терпя их, покорно сносить все невзгоды. Когда же я вспоминаю об отце… – Лицо Дэвида потемнело. – Я вспоминаю о тех несчастьях, которые он принес в ее жизнь, унижая ее, хвастаясь своими любовными победами, постоянно изменяя ей с другими женщинам и даже не пытаясь это скрывать.

– Наверное, зря она с этим мирилась, – произнесла Хильда Ли. – Ей нужно было уйти от него.

– Мать была слишком порядочна, чтобы поступить так, – с легкой ноткой укоризны ответил Дэвид. – Она считала своим долгом оставаться с ним до конца. Кроме того, это был ее дом, ей некуда было уйти.

– Она могла бы жить самостоятельно.

– В те годы это было невозможно! – раздраженно воскликнул Дэвид. – Ты не понимаешь. Тогда женщины вели себя иначе. Они терпеливо страдали. Ей нужно было помнить о нас. Даже разведись она с моим отцом, что было бы? Он наверняка женился бы снова. Завел бы новую семью. Мы и наши интересы были ему безразличны. Ей приходилось всегда помнить об этом. – Хильда ничего не ответила, и Дэвид продолжил: – Нет, мать все делала правильно. Она была святая женщина! Он все вытерпела до самого конца, никогда ни на что не жалуясь.

– Так уж и никогда? Тогда откуда тебе так много известно, Дэвид? – возразила Хильда.

– Да, она кое-что мне рассказывала, – тихо произнес он, и лицо его прояснилось. – Она знала, как я любил ее. Когда она умерла…

Дэвид умолк и пригладил волосы.

– Хильда, это было ужасно! Одиночество! Она была еще совсем не старая, она не должна была умереть. Это он убил ее, мой отец! Это он виноват в ее смерти! Он разбил ей сердце. Тогда я поклялся, что не стану жить вместе с ним под одной крышей. Я сбежал, сбежал от всего этого.

Хильда одобрительно кивнула.

– Ты поступил мудро, – сказала она. – Это было верное решение.

– Отец хотел, чтобы я продолжил семейное дело. Значит, мне пришлось бы жить дома. Я бы этого не вынес. До сих пор не понимаю, как Альфред так много лет с этим мирится.

– Он ни разу не восставал против отца? – удивилась Хильда. – Кажется, ты рассказывал мне о том, как он был вынужден отказаться от другой карьеры.

Дэвид кивнул.

– Альфред хотел пойти служить в армию. Отец для него все устроил. Альфред как старший должен был поступить в кавалерийский полк. Гарри, так же как и мне, предстояло продолжить семейное дело. Джорджу прочили карьеру политика.

– Но все пошло не так, как предполагалось?

Дэвид покачал головой.

– Гарри все испортил! Он всегда был жутким сумасбродом! Залез в долги, вляпался во всевозможные неприятности… А потом и вообще скрылся, прихватив с собой несколько сот тысяч фунтов, которые ему не принадлежали. Оставил записку, в которой сообщил, что просиживать штаны в конторе – работа не для него и что он хочет посмотреть мир.

– И вы больше о нем никогда не слышали?

– Слышали, еще как слышали! – рассмеялся Дэвид. – Даже слишком часто! Он изо всех уголков мира слал телеграммы, в которых вечно клянчил денег. И всегда их получал!

– А Альфред?

– Отец заставил его бросить армейскую службу и вернуться домой, чтобы продолжить семейное дело.

– И он не возражал?

– Вначале даже очень. Он ненавидел контору. Но отец всегда вил из Альфреда веревки. Мне кажется, брат до сих пор всецело во власти отца.

– Ты же… этого избежал! – подвела итог Хильда.

– Да. Я уехал в Лондон и стал изучать живопись. Отец прямо сказал мне, что если я буду и дальше заниматься этим дурацким делом, мне будет ежемесячно причитаться от него очень скромное содержание и я ничего не получу в наследство после его смерти. Я ответил, что мне все равно. Он обозвал меня молодым дураком, и на этом все кончилось. С тех пор я его больше не видел.

– И ты никогда не жалел об этом? – мягко спросила Хильда.

– Нет, конечно. Понимаю, моими картинами я ничего не добьюсь. Мне никогда не стать великим художником… но ведь мы вполне счастливы в нашем домике… у нас есть все, что нам нужно… есть все необходимое. И если я умру, ты получишь мою страховку. – Немного помолчав, Дэвид добавил: – И вдруг – это!

Он хлопнул ладонью по письму.

– Мне жаль, что твой отец написал это письмо, если оно тебя так расстроило, – сказала Хильда.

Дэвид заговорил снова, как будто не слышал ее:

– Просит меня привезти на Рождество жену. Выразил надежду на то, что мы все соберемся на Рождество. Этакий семейный сбор. Что бы это могло значить?

– По-твоему, это должно значить что-то еще, помимо сказанного? – спросила Хильда.

Дэвид вопросительно посмотрел на нее.

– Я имела в виду, – с улыбкой сказала она, – что твой отец стареет. И начал впадать в сентиментальность. Такое бывает, ты сам знаешь.

– Предположим, что это так, – медленно проговорил Дэвид.

– Твой отец – одинокий старик.

Он бросил на жену быстрый взгляд.

– Хочешь, чтобы я туда поехал, Хильда?

– Было бы невежливо не ответить на приглашение. Наверное, я старомодна, но почему бы действительно не проявить по случаю Рождества добрую волю?

– После всего того, что я тебе рассказал?

– Я понимаю, мой дорогой, понимаю. Но все это уже в прошлом. С этим покончено.

– Но не для меня.

– Лишь потому, что ты не даешь прошлому умереть. В мыслях ты никак не можешь с ним расстаться.

– Такие вещи не забывают.

– Ты их не забудешь – ты ведь это хочешь сказать?

Дэвид сурово поджал губы.

– Мы, Ли, – такие. Мы помним обиды годами, размышляем о них и не расстаемся с воспоминаниями.

– По-твоему, это повод для гордости? – слегка раздраженно спросила Хильда. – Вот уж не думаю!

Дэвид пристально посмотрел на жену. В нем чувствовалась некая решимость.

– Ты не придаешь большого значения верности, – сказал он, – верности воспоминаниям.

– По-моему, сегодняшний день важнее прошлого. Прошлое должно уйти. Если мы будем пытаться его оживить, то в конечном итоге непременно исказим его. Мы видим его, словно в кривом зеркале, в искаженной перспективе.

– Я отлично помню каждое слово, каждое событие тех дней! – пылко заявил Дэвид.

– Верно, но лучше этого не делать, дорогой. Это противоестественно. Ты судишь о тех днях с позиции юноши, вместо того, чтобы смотреть на них спокойным взглядом зрелого мужчины.

– И в чем же разница? – раздраженно спросил Дэвид.

Хильда помедлила с ответом. Наверное, было бы не слишком умно продолжать в том же духе, и все же были вещи, которые ей не терпелось высказать.

– Мне кажется, – сказала она, – ты воспринимаешь отца как этакое пугало. Возможно, если ты сейчас увидишься с ним, ты поймешь, что это обычный человек. Человек, который позволял страстям брать над собой верх. Человек, чья жизнь была небезупречна, далека от совершенства, но все же человек, а не какое-то там бездушное чудовище.

– Ты ничего не понимаешь! То, как он относился к матери…

– Существует вид кротости… покорности… – задумчиво произнесла Хильда, – которая пробуждает в человеке худшие его качества, но этот же самый человек, столкнувшись с силой духа и твердым характером, может проявить себя с совершенно иной стороны!

– Ты хочешь сказать, что это была ее вина…

– Нет, конечно же, нет! – оборвала его Хильда. – Я нисколько не сомневаюсь в том, что твой отец скверно обращался с твоей матерью, но брак – это нечто особенное… я считаю, что посторонний человек… пусть даже ребенок, родившийся в этом браке… не имеет права выносить суждения. Кроме того, твое отношение к отцу уже никак не поможет твоей матери. Все давно прошло. Теперь все по-другому. Теперь твой отец – старик с плохим здоровьем, который просит своего сына приехать к нему на Рождество.

– Ты хочешь, чтобы я поехал?

Хильда помолчала, не спеша с ответом, но затем приняла решение.

– Да, – сказала она. – Я хочу. Хочу, чтобы ты поехал – и раз и навсегда похоронил прошлое.

Глава 5

Джордж Ли, член парламента от Уэстерингема, являл собой дородного джентльмена сорока одного года. У него были светло-голубые глаза, в которых читалась едва заметная подозрительность, тяжелая нижняя челюсть и медленный педантичный выговор.

– Я сказал тебе, Магдалена, что считаю своим долгом поехать туда, – многозначительно произнес он.

Его жена нетерпеливо пожала плечами.

Она была изящным созданием: платиновая блондинка с выщипанными в ниточку бровями и гладким, как яйцо, лицом. Временами оно делалось совершенно бездумным и лишенным какого-либо выражения. Именно таким ее лицо было и в данный момент.

– Дорогой, – произнесла она, – там будет абсолютно ужасно, я в этом уверена.

– Более того, – сказал Джордж Ли, просияв, ибо в голову ему пришла мудрая мысль. – Это позволит нам существенно сэкономить. Рождество – время крупных расходов. Мы могли бы перевести прислугу на полный пансион.

– Какая разница? – воскликнула Магдалена. – В конце концов, Рождество ужасно в любом месте.

– Полагаю, они ждут, что им подадут рождественский ужин, – сказал Джордж, думая о своем. – Приличный стейк вместо индейки.

– Кому? Прислуге? О, Джордж, не суетись. Вечно ты переживаешь из-за денег.

– Кому же еще переживать из-за них, как не мне? – возразил Джордж.

– Верно, но ведь так глупо экономить даже на мелочах… Почему ты не потребуешь у отца больше денег?

– Он и так выдает мне внушительную сумму.

– Нет, это ужасно – полностью зависеть от отца, как ты. Ты должен открыто потребовать, чтобы он увеличил тебе содержание.

– У него свое мнение по этому вопросу.

Магдалена посмотрела на мужа. Ее пустые карие глаза неожиданно приобрели осмысленность. Взгляд сделался острым, проницательным.

– Он ведь ужасно богат, да, Джордж? Наверное, миллионер, а?

– Скорее дважды миллионер.

Магдалена завистливо вздохнула.

– Где же он заработал такую кучу денег? Неужели в Южной Африке?

– Да. В молодости отец сделал там целое состояние. Главным образом благодаря алмазам.

– Подумать только! – воскликнула Магдалена.

– Потом он вернулся в Англию, развернул свое дело, и его состояние, насколько мне известно, удвоилось или даже утроилось.

– А что будет, когда он умрет? – спросила Магдалена.

– Отец предпочитает не говорить на эту тему. Разумеется, никто не осмелится его спросить. Могу предположить, что деньги достанутся мне и Альфреду. Но Альфред, конечно же, получит больше меня.

– У тебя ведь есть и другие братья, верно?

– Да, брат Дэвид. Хотя ему-то вряд ли достанется больше, чем мне. Он увлекся живописью или какой-то подобной чепухой. Отец предупредил, что вычеркнет его из завещания, но Дэвид заявил, что ему все равно.

– Какой дурак! – вынесла презрительное суждение Магдалена.

– Еще у меня была сестра Дженнифер. Она сошлась с иностранцем – испанским художником, одним из друзей Дэвида. Но умерла около года назад. У нее осталась дочь, если не ошибаюсь. Отец мог завещать немного денег и ей, но только немного. И, конечно же, Гарри…

Он смущенно умолк.

– Гарри? – удивилась Магдалена. – Кто такой Гарри?

– Это… мой брат.

– Никогда не слышала, что у тебя есть еще один брат.

– Моя дорогая, к сожалению, он не делает нам чести. Мы никогда не говорим о нем. Он запятнал себя позором. Мы ничего не слышали от него вот уже много лет. Не исключено, что он давно умер.

Магдалена неожиданно рассмеялась.

– В чем дело? Над чем ты смеешься?

– Я просто подумала, как забавно, что у тебя… тебя, Джордж, есть бесчестный брат, – ответила Магдалена. – Ведь ты у нас такой представительный, такой респектабельный…

– Надеюсь, – холодно произнес Джордж.

Магдалена недобро прищурилась.

– Твой отец, Джордж… о нем не скажешь, что он респектабельный.

– Прекрати, кому говорят!

– Иногда он говорит такие вещи, от которых мне становится не по себе.

– Ты удивляешь меня, Магдалена. Неужели… неужели Лидия тоже так считает?

– Лидии он такого не говорит, – сказала Магдалена и, немного помолчав, добавила: – Нет, ей он такого никогда не говорил. И я не знаю, почему.

Джордж быстро посмотрел на нее и отвел взгляд в сторону.

– Знаешь, нужно делать поправку на возраст. В его годы, когда здоровье так пошатнулось… – Он не договорил.

– Он действительно сильно болен? – спросила Магдалена.

– Я бы так не сказал. Для своих лет он довольно крепок. Но раз уж он хочет на Рождество собрать вокруг себя всю семью, будет правильно, если мы с тобой тоже приедем. Вдруг это его последнее Рождество.

– Это ты так считаешь, Джордж, – резко произнесла она, – а на самом деле он еще может прожить десяток лет.

– Да… да… конечно, может, – промямлил Джордж, слегка ошарашенный ее резкостью.

Магдалена отвернулась.

– Да, думаю, поехать стоит, – сказала она. – Так будет правильно.

– Нисколько в этом не сомневаюсь.

– Но я не хочу! Альфред страшный зануда, а Лидия задирает передо мной нос.

– Ерунда.

– Нет, это так. Задирает нос. И еще этот мерзкий слуга.

– Старый Трессильян?

– Нет, Хорбери. Расхаживает по дому, как кот, и ухмыляется.

– Магдалена, не представляю даже, чем этот Хорбери тебе мешает.

– Он просто действует мне на нервы, только и всего. Но речь не о нем. Нужно ехать, теперь я это точно знаю. Нехорошо обижать старика.

– Нет… то есть да. Что касается рождественского ужина для прислуги…

– Не сейчас, Джордж, давай в другой раз. Я сейчас позвоню Лидии и скажу ей, что мы приедем завтра, в пять двадцать.

Магдалена поспешила выйти из комнаты. Поговорив по телефону, она вернулась в свою комнату, где села за секретер и, опустив откидную доску, принялась рыться в ящиках. Из них каскадом вылетел ворох магазинных счетов. Магдалена попыталась привести их в мало-мальский порядок. Наконец, издав нетерпеливый вздох, она собрала их вместе и сунула обратно, откуда и взяла. Затем провела рукой по платиновым волосам.

– Господи, что же мне делать? – пробормотала она.

Глава 6

Коридор на втором этаже Горстон-холла вел в большую комнату, окна которой выходили на подъездную дорогу. Она была обставлена броско и старомодно, стены обклеены плотными тиснеными обоями. В комнате стояли богатые, обтянутые кожей кресла, огромные вазы с орнаментом из драконов и бронзовые скульптуры.

В ней все было великолепно, дорого и солидно.

В большом дедовском кресле, самом внушительном и массивном, сидел тощий, высохший старик. Его длинные, похожие на птичьи, пальцы лежали на подлокотниках кресла. Рядом стояла трость с золотым набалдашником. На старике был поношенный голубой домашний халат, на ногах – войлочные шлепанцы. Седые волосы. Желтая кожа лица. «Жалкий старикашка», – наверняка подумал бы тот, кто его увидел. Но гордый орлиный нос и темные, необычайно живые глаза тотчас бы заставили наблюдателя изменить свое мнение. В них был огонь, жизнь, энергия.

Старый Симеон Ли усмехнулся себе под нос. Недобрый, злорадный смешок.

– Ты передал мое послание миссис Альфред? – спросил он.

Хорбери стоял рядом с креслом.

– Да, сэр, – почтительно ответил он.

– В точности так, как я тебе сказал? Слово в слово?

– Да, сэр. Я не сделал ошибки, сэр.

– Верно, ты не делаешь ошибок. Тебе вообще лучше не делать ошибок, или ты пожалеешь об этом! И что она ответила, Хорбери? Что сказала миссис Альфред?

Все тем же бесстрастным тоном Хорбери повторил ее слова. Старик вновь противно усмехнулся и потер руки.

– Отлично… Прекрасно… Пусть потом ломают голову… до конца дня! Великолепно! Я соберу их всех. Ступай, приведи их.

– Слушаюсь, сэр.

Слуга бесшумно прошел через комнату и вышел вон.

– И, Хорбери!.. – Старик огляделся по сторонам и тихо выругался. – Этот парень ходит, как кошка. Никогда не знаешь, где он находится.

Он сидел в кресле, задумчиво потирая пальцами подбородок, когда в дверь постучали и в комнату вошли Альфред и Лидия.

– А вот и вы, а вот и вы… Лидия, дорогая, садись рядом со мной. Какая ты сегодня румяная!

– Мы решили прогуляться по холодку. После этого у меня всегда горят щеки.

– Как ты чувствуешь себя, отец? Хорошо отдохнул днем? – спросил Альфред.

– Отлично… Великолепно. Приснились старые добрые времена! До того, как я остепенился и сделался столпом общества.

Симеон Ли закинул голову назад и неприятно рассмеялся. Его невестка сидела молча и вежливо улыбалась.

– Кто те двое, отец, кого мы ждем к Рождеству? – поинтересовался Альфред.

– Ах, эти? Сейчас вы все узнаете. В этом году нас ждет грандиозное Рождество. Дай подумать… Приедут Джордж и Магдалена.

– Да, они прибывают завтра поездом. В пять двадцать, – сказала Лидия.

– Это ничтожество Джордж! Напыщенный болтун! Но все-таки он мой сын.

– Избиратели его любят, – возразил Альфред.

Симеон снова усмехнулся.

– Наверное, они считают его честным человеком, – добавил Альфред.

– Честным! Не было в семействе Ли еще честных людей!

– Перестань, отец!

– Исключая тебя, мой мальчик. Исключая тебя.

– А Дэвид? – уточнила Лидия.

– Дэвид? Хотел бы я увидеть этого мальчишку столько лет спустя… В юности он был настоящей тряпкой. Интересно, какая у него женушка? В любом случае ему хватило ума не жениться на девушке на двадцать лет его моложе, как этот болван Джордж!

– Хильда написала очень милое письмо, – сказала Лидия. – Я только что получила от нее телеграмму, подтверждающую их приезд. Они с Джорджем завтра точно будут здесь.

Симеон смерил ее пронзительным взглядом и рассмеялся.

– Лидия, от тебя ни о ком не услышишь дурного слова, – произнес он. – Я говорю это тебе в похвалу, ты воспитанная женщина. Сказывается хорошее воспитание. Кому это знать, как не мне. Забавная, однако, штука, эта наследственность. Из вас лишь один унаследовал мой характер, лишь один из всего помета.

Глаза старика оживились

– А теперь угадайте, кто еще приедет на Рождество. Угадайте с трех раз. Готов спорить на пять фунтов, что ни за что не догадаетесь.

Он перевел взгляд с одного лица на другое.

– Хорбери сказал, что ты якобы ждешь некую юную леди, – нахмурившись, произнес Альфред.

– И тебя это заинтриговало… Что ж, легко могу себе представить! Пилар будет здесь с минуты на минуту. Я послал за ней на станцию автомобиль.

– Пилар? – недоуменно переспросил Альфред.

– Пилар Эстравадос, – ответил Симеон Ли. – Дочь Дженнифер. Моя внучка. Интересно, какая она?

– Боже, отец, и ты ничего не сказал мне!.. – обиженно воскликнул Альфред.

Старик довольно улыбнулся.

– Нет, надеялся сохранить это в тайне. Поручил Чарльтону, чтобы тот все уладил.

– Ты никогда не говорил мне!.. – с упреком повторил Альфред.

Симеон Ли зловредно усмехнулся.

– Хотел преподнести вам сюрприз! Интересно, каково это – вновь увидеть под крышей дома юное создание? Я никогда не видел Эстравадоса. Интересно, на кого похожа эта девушка – на мать или на отца?

– Ты действительно думаешь, что это стоит делать, отец? – начал было Альфред, – Принимая во внимание…

– К дьяволу осторожность! – перебил его отец. – Ты как трусливый пес, что вечно поджимает хвост, Альфред! Всегда! Я никогда не был таким! Делай, что хочешь, и пошло все к черту! Вот как я говорю! Эта девушка – моя внучка… причем единственная в моей семье! Мне плевать, кем был ее отец и чем он занимался! Она – моя плоть и кровь! И она приедет сюда и будет жить в моем доме.

– Она приедет и останется здесь жить? – резко спросила Лидия.

Старик бросил в ее сторону быстрый взгляд.

– Разве ты против?

Женщина покачала головой.

– Как я могу быть против, что кто-то будет жить в вашем доме? – с улыбкой ответила она. – Нет, просто у меня возник вопрос… о ней.

– Вопрос? Что ты хочешь этим сказать?

– Будет ли она счастлива здесь?

Старый Симеон Ли вскинул голову.

– У нее за душой ни пенса. Она должна быть благодарна!

Лидия пожала плечами. Симеон повернулся к Альфреду.

– Видишь? Это будет грандиозное Рождество! Все мои дети соберутся вокруг меня. Все мои дети! В этом весь смысл, Альфред. А теперь отгадай, какой гость еще к нам приедет…

Альфред в недоумении посмотрел на отца.

– Все мои дети! Ну, отгадай!.. Гарри, конечно же! Твой брат Гарри!

Альфред побледнел.

– Гарри… нет, только не Гарри… – пролепетал он, заикаясь.

– Представь себе, что Гарри!

– Но мы думали, что он умер.

– Только не он!

– Ты… ты решил вернуть его? После всего того, что произошло?

– Возвращение блудного сына, верно? Ты прав. Готовь тучного тельца! Тебе придется зарезать тучного тельца, Альфред[6 - Намек на библейскую притчу о блудном сыне, в честь возвращения которого отец велел заколоть тучного тельца (Лк. 15:11–32).]. Мы должны оказать ему грандиозный прием.

– Но ведь он опозорил тебя… всех нас… – возразил Альфред. – Он…

– Можешь не перечислять его преступления. Список получится длинный. Но Рождество, как ты помнишь, – праздник прощения. Мы должны принять в дом блудного сына.

– Для меня это… настоящее потрясение… – пробормотал, вставая, Альфред. – Никогда не думал, что Гарри когда-нибудь снова появится в этих стенах.

Симеон подался вперед.

– Ты ведь никогда не любил его, верно? – неожиданно смягчившись, спросил он.

– После того, как он так поступил с тобой…

– Кто старое помянет, тому глаз вон, – усмехнулся Симеон. – Ведь именно таким и должно быть Рождество. Верно я говорю, Лидия?

Жена Альфреда тоже побледнела.

– Вижу, в этом году Рождество занимает все ваши мысли, – сухо произнесла она.

– Хочу собрать вокруг себя всю мою семью. Мир и добрая воля. Я уже стар. Ты уходишь, мой дорогой?

Альфред торопливо вышел. Лидия на мгновение задержалась.

Симеон посмотрел вслед сыну.

– Я расстроил его. Они с Гарри никогда не ладили. Тот имел привычку издеваться над Альфредом. Называл его Медленный, но Верный.

Лидия собралась что-то сказать, но, заметив выражение лица свекра, передумала. Похоже, ее сдержанность расстроила старика. Что дало ей смелости сказать:

– В забеге зайца и черепахи побеждает черепаха.

– Не всегда, – возразил Симеон. – Не всегда, моя дорогая Лидия.

– Извините меня, но я должна догнать Альфреда, – с улыбкой сказала она. – Неожиданные известия выбивают его из колеи.

– Да, Альфред – не любитель перемен, – усмехнулся старик. – Он всегда был жутким занудой.

– Альфред очень предан вам, – произнесла Лидия.

– Тебе это кажется странным, не правда ли?

– Иногда, – ответила женщина и повторила: – Иногда.

С этими словами она вышла из комнаты. Симеон посмотрел ей вслед, вновь усмехнулся и потер руки.

– Забавно, – произнес он. – Весьма забавно. Похоже, меня ждет веселое Рождество.

Он с усилием поднялся и, опираясь на трость, проковылял через всю комнату к большому сейфу, стоящему в углу. Затем набрал код и повернул ручку. Дверца открылась. Сунув внутрь дрожащую руку, Симеон вытащил наружу небольшой мешочек и высыпал на ладонь горстку неограненных алмазов, которым затем дал просыпаться между пальцами.

– Идите ко мне, мои красавицы, – проворковал старик. – Вы все такие же… мои старые друзья. Это были славные деньки, славные… Вас не станут резать и

гранить, мои друзья. Вы не будете висеть на шее у женщин, или у них в ушах… вы не будете у них на пальцах… Вы – мои! Мои старые друзья. Мы с вами кое о чем знаем, вы и я. Пусть я стар, но я еще не вышел в тираж. Во мне, старом псе, еще много сил. И от жизни можно еще получить немало радости. Немало радости…

Часть II

23 декабря

Глава 1

В дверь позвонили, и Трессильян отправился ее открывать. Кстати, звонок был необычно настойчивый. Прежде чем старый слуга прошаркал через весь холл к двери, он повторился снова.

Старый дворецкий вспыхнул от раздражения. Что за наглость! Разве так звонят в дом джентльмена? Если только это компания исполнителей рождественских гимнов, он вразумит их как следует!

В матовом стекле верхней половины двери виднелся силуэт высокого человека в мягкой фетровой шляпе. Трессильян открыл дверь. Как он и подумал – дешевый вульгарный пижон: скверного покроя костюм! Жуткая безвкусица! Какой-то нахальный попрошайка!

– Разрази меня гром, если это не Трессильян, – произнес незнакомец. – Как поживаете?

Старый слуга пригляделся – глубоко вздохнул – и посмотрел на незнакомца еще раз: крепкая нижняя челюсть, нос с горбинкой, озорные глаза. Да, всё как три года назад. Правда, тогда он приполз, поджав хвост.

– Мистер Гарри! – ахнул Трессильян.

Гарри Ли рассмеялся.

– Смотрю, вы потрясены. Но почему? Мне казалось, меня здесь ждут!

– Да, конечно, сэр. Разумеется, сэр.

– Тогда откуда эта растерянность? – Гарри отступил назад и окинул взглядом дом – массивное здание из красного кирпича, без особых затей, неброское, но монументальное.

– Все тот же уродливый старый дом, – заметил он. – Все еще стоит, и это самое главное. Как там мой отец, Трессильян?

– Можно сказать, инвалид, сэр. Все время сидит в своей комнате и почти никуда не выходит. Но при этом на редкость бодр.

– Вот же старый греховодник!

Гарри Ли вошел в дом, где передал слуге шарф и театрального вида шляпу.

– Как поживает мой обожаемый брат Альфред, Трессильян?

– Очень хорошо, сэр.

– С нетерпением ждет встречи со мной? – ухмыльнулся Гарри.

– Думаю, да, сэр.

– А вот я – нет! Я думаю с точностью до наоборот. Готов спорить, получив известие о моем приезде, он жутко расстроился. Мы с ним никогда не ладили. Все еще читаете свою Библию, Трессильян?

– Ах… да, сэр, иногда, сэр.

– Помните притчу о возвращении блудного сына? Благонравный брат был ему не рад. Да что там! Он был потрясен. Готов спорить на что угодно, что и домосед Альфред тоже не возрадуется.

Трессильян молчал, глядя в пол. Его прямая, напряженная спина выражала протест. Гарри хлопнул его по плечу.

– Вперед, старина! – сказал он. – Меня ждет тучный телец. Ведите меня скорее к нему.

– Не изволите ли пройти в гостиную, сэр? Я не уверен, где в данный момент все находятся. Не зная точное время вашего прибытия, сэр, никто не смог встретить вас на станции.

Гарри кивнул и, вертя на ходу головой, последовал за старым слугой.

– Все старые вещи на своих прежних местах, – заметил он. – Похоже, здесь ничего не изменилось с тех пор, как я уехал отсюда двадцать лет назад.

Вслед за Трессильяном он вошел в гостиную.

– Пойду поищу мистера или миссис Альфред, – пробормотал старый дворецкий и оставил его одного.

Гарри Ли решительно шагнул в гостиную и оторопел: на подоконнике сидела девушка. Его взгляд скользнул по иссиня-черным волосам, по нежной матовой коже.

– О боже! – воскликнул он. – Вы, случайно, не седьмая по счету и самая красивая жена моего отца?[7 - Имеются в виду семь жен Синей Бороды из сказки Ш. Перро.]

Пилар соскользнула с подоконника и подошла к нему.

– Я Пилар Эстравадос, – представилась она. – А вы, должно быть, дядя Гарри, брат моей матери.

– Так вот вы кто! – воскликнул Гарри, не сводя с нее взгляда. – Дочь Дженнифер.

– Почему вы спросили меня, не седьмая ли я по счету жена вашего отца? У него действительно было шесть жен?

– Нет, насколько мне известно, официально всего одна, – рассмеялся Гарри. – Э-э-э… как, вы сказали, ваше имя?..

– Пилар.

– Знаете, Пилар, мне удивительно видеть нечто благоуханное вроде вас в этом мавзолее.

– В мав… простите, как вы сказали?

– В этом музее набальзамированных чучел! Я всегда считал этот дом мерзким. Теперь, когда я вижу его снова, он кажется мне еще отвратительнее!

– О нет, здесь так красиво! – растерянно возразила Пилар. – Мебель очень хорошая, и ковры… повсюду толстые ковры, и еще здесь много всяких украшений. Все очень хорошего качества и очень, очень дорогое!

– Вот тут вы правы, – с улыбкой согласился Гарри. – Вы даже не представляете, как мне приятно видеть вас среди этого…

Он не договорил. В комнату стремительно вошла Лидия и направилась прямо к нему.

– Как поживаете, Гарри? Я – Лидия, жена Альфреда.

– Здравствуйте, Лидия. – Он пожал ей руку, быстрым взглядом окинул умное, живое лицо и мысленно оценил ее походку – редко у кого из молодых женщин нынче хорошая походка.

Лидия, в свою очередь, критически оглядела Гарри. На вид сущий бандит, подумала она, хотя и симпатичный. Такому, как он, доверия нет.

– Как, на ваш взгляд, все выглядит спустя столько лет? – с улыбкой спросила она. – По-другому или так же?

– Я бы сказал, по-прежнему. – Он огляделся по сторонам. – Но эту комнату не узнать. Ее отделали заново.

– Да, пожалуй, и не один раз.

– Я имел в виду вас, – сказал Гарри. – Благодаря вам она приобрела новый вид.

– Я так и подумала…

Он улыбнулся хитроватой улыбкой, чем тотчас напомнил Лидии старика, что находится сейчас наверху.

– Сейчас она смотрится более элегантно! Помнится, я что-то слышал о том, что Альфред женился на девушке, чьи предки прибыли в наши края вместе с Вильгельмом Завоевателем.

Лидия улыбнулась.

– Наверное, так и было. Правда, с тех пор они пустили тут корни.

– Как поживет старина Альфред? – спросил Гарри. – Все такой же старый добрый брюзга?

– Мне трудно сказать, каким он вам покажется – прежним или изменившимся.

– А как остальные? Разлетелись по всей Англии?

– Они все соберутся здесь на Рождество.

Гарри сделал круглые глаза.

– Настоящее семейное Рождество? Что случилось со стариком? Раньше он был начисто лишен сентиментальности. Не могу припомнить и его особой любви к

ближним… Должно быть, он сильно изменился.

– Возможно, – сухо произнесла Лидия.

Пилар с интересом слушала их разговор.

– А как старина Джордж? – полюбопытствовал Гарри. – Все такой же скупердяй? Как он, бывало, брюзжал, когда был вынужден расставаться с полпенни своих карманных денег.

– Джордж – член парламента, – сообщила Лидия. – Представляет там избирателей Уэстерингема.

– Что?! Лупоглазый в парламенте? Господи, вот это здорово!

Гарри откинул голову и расхохотался. Громоподобный хохот, в стенах комнаты он прозвучал пугающе грубо. У Пилар перехватило дыхание. Лидия поежилась.

Внезапно, уловив за спиной какое-то движение, Гарри умолк и резко обернулся. Он не слышал, как кто-то вошел, но теперь в комнате неподвижно стоял Альфред и со странным выражением смотрел на брата.

Гарри с минуту стоял неподвижно, затем его губы растянулись в улыбке.

– Да это же Альфред! – воскликнул он, шагнув навстречу брату.

Альфред кивнул.

– Привет, Гарри.

Оба стояли, глядя друг на друга. Лидия затаила дыхание. «Какой абсурд, – подумала она. – Смотрят друг на друга, как два пса».

Глаза Пилар округлились еще больше.

«Как глупо они выглядят, – подумала она. – Почему не обнимутся? Впрочем, у англичан нет такой привычки. Но они могли хотя бы что-то сказать друг другу. Почему они просто обмениваются взглядами?»

– Забавно снова оказаться здесь, – наконец сказал Гарри.

– Пожалуй… да. Сколько лет прошло… с тех пор… как ты уехал.

Гарри гордо вскинул голову и провел пальцем по подбородку. Это был привычный жест, означавший воинственность.

– Да, – сказал он. – Я рад, что приехал… – Немного помолчав, он многозначительно добавил: – Домой.

Глава 2

– Наверное, я был порочный человек, – произнес Симеон Ли.

Старик сидел, откинувшись на спинку кресла. Вскинув подбородок, он принялся задумчиво водить по нему пальцем. В камине перед ним ярко пылал огонь. Рядом, держа в руке некое подобие веера из папье-маше, сидела Пилар. Она прикрывала им лицо от жара и время от времени грациозно обмахивалась. Симеон довольно наблюдал за ней.

Он заговорил дальше, обращаясь скорее к себе самому, нежели к девушке, чье присутствие служило ему лишь стимулом.

– Да, я был порочный человек, – повторил он. – Что скажешь на это, Пилар?

Девушка пожала плечами.

– Все мужчины порочны. Так говорят монахини. Поэтому и нужно молиться за них.

– Но я был более порочен, чем основная масса мужчин. – Симеон Ли рассмеялся. – Знаешь, я не жалею об этом. Я вообще ни о чем не жалею. Я всегда наслаждался жизнью… каждой ее минутой. Говоря, что с возрастом возникает желание покаяться в содеянном. Это чепуха. Я ни о чем не жалею. И я скажу тебе… Я сделал много такого… Короче говоря, много грешил. Мошенничал, и воровал, и лгал… Да, Господи! И женщины… всегда были женщины! Кто-то недавно рассказал мне, что один арабский шейх имел охрану из сорока собственных сыновей… все примерно одного возраста. Вот как! Сорок человек. Не знаю насчет сорока, но готов спорить, что легко мог бы собрать внушительную охрану, если б знал всех своих отпрысков. Эй, Пилар, что скажешь на это? Ты потрясена?

Взгляд девушки даже не дрогнул.

– Нет. С чего бы мне? Мужчины всегда хотят женщин. Мой отец был таким. Поэтому жены часто бывают несчастны и ходят в церковь молиться.

Старый Симеон Ли нахмурился.

– Я сделал Аделаиду несчастной, – признался он еле слышно, как будто разговаривал сам с собой. – Боже, что за женщина! Когда я женился на ней, она была этакой воздушной красавицей! И что потом? Вечно плакала и ныла. Своим вечным нытьем женщина способна разбудить дьявола в любом мужчине… Никакого характера, вот что с ней было не так. Хотя бы раз она дала мне отпор! Так нет… ни разу. Я думал, когда женюсь на ней, то остепенюсь, заведу детей, навсегда забуду старую жизнь…

Голос Симеона сорвался. Он уставился на огонь в камине.

– Создать семью… Господи, что за семья! – Симеон неожиданно зло рассмеялся. – Ты только посмотри на них!.. Среди них нет ни одного, кто мог бы продолжить мое дело. Что с ними такое? Как будто в их жилах течет не моя кровь! Ни одного настоящего сына, законного или прижитого на стороне. Взять, к примеру, Альфреда… О небо, в какую скуку он вгоняет меня! Вечно смотрит на меня преданными собачьими глазами; готов сделать все, о чем я попрошу… Господи, что за болван! Не то что его жена, Лидия… Лидия мне нравится. В ней есть сила воли. Хотя она меня и не любит. Да, она меня не любит. Но ей приходится мириться со мной из-за этой тряпки Альфреда. – Симеон посмотрел

на сидевшую возле камина девушку. – Помни, Пилар, нет ничего скучнее, чем преданность.

Девушка улыбнулась ему.

– Джордж? – продолжил старик, взбодренный присутствием молодости и женственности. – А что Джордж? Болван. Фаршированная рыба. Напыщенный болтун, без мозгов и решительности. К тому же страшный скупердяй. Дэвид? Дэвид всегда был глупцом и мечтателем. Маменькин сынок, вот кто такой Дэвид. Единственный разумный его поступок – то, что он женился на этой разумной женщине. – С этими словами Симеон хлопнул ладонью по подлокотнику кресла. – Лучший из них – Гарри! Старина Гарри, блудный сын! Зато, по крайней мере, живой.

– Верно, – согласилась Пилар. – Он симпатичный. Он смеется, громко смеется и задорно откидывает назад голову. О, да, он мне нравится.

Старик удивленно посмотрел на нее.

– Правда, Пилар? Гарри всегда умел производить впечатление на женщин. В этом он пошел в меня. – Старик рассмеялся дребезжащим смешком. – У меня была хорошая жизнь, очень хорошая. В ней было много всего.

– В Испании есть поговорка, – сказала Пилар. – «Бери что хочешь, только плати, говорит Господь».

Симеон одобрительно шлепнул по подлокотнику кресла.

– Правильно сказано. Так и надо. Бери что хочешь… Я так и поступал… всю мою жизнь… брал то, что хотел…

– И вы платили? – неожиданно высоким и чистым голосом спросила Пилар.

Смех оборвался. Симеон выпрямился в кресле и в упор посмотрел на нее.

– Что ты сказала? – уточнил он.

– Я спросила – вы платили за это, дедушка?

– Не знаю, – медленно произнес старик и, ударив по подлокотнику кулаком, сердито добавил: – Почему ты это сказала, девочка? Что заставило тебя спросить это?

– Я просто хотела узнать… – ответила Пилар.

Ее рука, державшая «веер», застыла в воздухе. В темных глазах промелькнуло нечто загадочное. Она сидела, вызывающе откинув голову, как будто осознавала свою женственность.

– Дьявольское отродье… – произнес Симеон.

– Но я-то вам нравлюсь, дедушка. Вам нравится, что я сейчас сижу рядом с вами, – вкрадчиво произнесла Пилар.

– Конечно, нравится, – согласился старик. – Я давно уже не видел никого столь юного и прекрасного… Мне приятно твое соседство… оно согревает мои старые кости… К тому же ты моя плоть и кровь… Молодчина Дженнифер, оказалась лучшей из моих детей.

Пилар польщенно улыбнулась.

– Знай, тебе меня не обмануть, – сказал Симеон. – Я понимаю, почему ты сидишь здесь и слушаешь терпеливо мои россказни. Это деньги… Это все деньги… Ведь ты наверняка притворяешься, будто любишь своего старого деда?

– Нет, я вас не люблю, – бесхитростно призналась Пилар. – Но вы мне нравитесь. Вы мне очень нравитесь. Вы должны верить мне, ибо это правда. Пожалуй, вы были дурным человеком, но мне это тоже в вас нравится. Вы куда более живой, чем все прочие люди в этом доме. И вам есть что рассказать. Вы много путешествовали и прожили жизнь, полную приключений. Будь я мужчиной, я была бы такой, как вы.

Симеон кивнул.

– Да, я верю, что так оно и было бы… В нас есть цыганская кровь, так всегда говорили. Она не слишком проявилась в моих детях, разве что в Гарри. Но, похоже, она хорошо проявилась в тебе. Однако, если нужно, я могу быть терпеливым. Я ждал целых пятнадцать лет, чтобы отомстить человеку, который причинил мне зло. Это еще одна наша семейная черта – мы ничего не забываем! Мы отомстим обидчику, даже если надо ждать несколько лет. Один человек обманул меня. Я ждал целых пятнадцать лет, пока наконец не представился случай отплатить за обиду. И тогда я нанес ответный удар. Я погубил его. Разорил дочиста! – Он тихо рассмеялся.

– Это было в Южной Африке? – уточнила Пилар.

– Да. Прекрасная страна.

– И вы в ней были?

– В последний раз я отправился туда через пять лет после женитьбы. Это был последний раз.

– А до этого? Вы много лет там пробыли?

– Да.

– Расскажите мне об этом.

Симеон начал рассказ. Пилар, прикрывая лицо «веером», слушала. Вскоре голос старика ослаб и сделался тише.

– Погоди, я тебе кое-что покажу, – сказал он.

Он осторожно встал на ноги, опираясь на трость, прошаркал через комнату и открыл большой сейф. Обернувшись, пальцем подозвал Пилар.

– Вот, посмотри на это. Потрогай их, ощути их прикосновение.

Заметив ее удивленное лицо, старик рассмеялся.

– Знаешь, что это такое? Это алмазы, дитя мое, алмазы.

Пилар сделала большие глаза.

– Но это же обычные камешки, – произнесла она, наклонившись.

Симеон снова рассмеялся.

– Это неограненные алмазы. Такими их нашли, именно такими.

– Но если их огранить и отшлифовать, они станут настоящими бриллиантами? – недоверчиво спросила Пилар.

– Разумеется.

– И будут сиять и сверкать?

– Именно. Сиять и сверкать.

– Вот это да! Даже не верится! – совсем по-детски воскликнула Пилар.

Старик улыбнулся.

– Но это так.

– Они дорого стоят?

– Дорого. До огранки трудно определить их истинную цену. В любом случае эта горстка тянет на несколько тысяч фунтов.

– Несколько… тысяч… фунтов? – спросила Пилар, делая паузу после каждого слова.

– Скажем так, девять или десять тысяч. Это камешки приличных размеров.

– Почему вы не хотите их продать? – задала вопрос Пилар, еще шире распахнув глаза.

– Потому что я не хочу с ними расставаться.

– Но это же деньги!

– Мне не нужны деньги.

– Понятно, – сказала она, явно впечатленная таким ответом. – Тогда почему вы не отдаете их в огранку, чтобы они стали красивыми?

– Потому что такими они мне больше нравятся. – Лицо старика приняло суровое выражение. Он отвернулся и заговорил, как будто обращаясь к самому себе. – Они переносят меня в прошлое… я люблю трогать их, люблю ощущать их в моих пальцах… Ко мне возвращаются воспоминания… солнце, запах вельда… Волы… старый Эйб… все эти парни… вечера…

Раздался робкий стук в дверь.

– Положи их в сейф и захлопни дверцу, – велел девушке Симеон и крикнул: – Войдите!

В комнату – как всегда, почтительно и бесшумно – вошел Хорбери.

– Внизу готов чай, – сообщил он.

Глава 3

– Вот ты где, Дэвид… Я везде искала тебя, – сказала Хильда. – Давай уйдем из этой комнаты. Здесь жутко холодно.

Дэвид ответил не сразу. Он с минуту стоял, молча глядя на кресло, низкое кресло с выцветшей атласной обивкой. Затем внезапно произнес:

– Это ее кресло… кресло, в котором она всегда сидела. Оно осталось прежним. Лишь выцвела обивка.

Хильда нахмурила лоб.

– Понятно, – сказала она. – Уйдем отсюда, Дэвид. Здесь жутко холодно.

Но муж как будто не услышал ее.

– Она чаще всего сидела в этом кресле, – произнес он, оглянувшись по сторонам. – Помню, как я сам сидел на стуле с ней рядом, а она читала мне книжки. «Джек – истребитель великанов»[8 - Английская народная сказка.] – вот что она читала мне… «Джек – истребитель великанов». Мне тогда было лет шесть.

Хильда решительно взяла его под руку.

– Пойдем в гостиную, дорогой. В этой комнате нет отопления.

Дэвид послушно повернулся, но она уловила, как он вздрогнул.

– То же самое, – пробормотал мужчина. – То же самое. Время как будто остановилось…

На лице Хильды промелькнула тревога.

– Интересно, где остальные? Ведь уже почти время для чая, – нарочито бодрым голосом произнесла она.

Дэвид высвободил руку и открыл другую дверь.

– Там раньше стояло пианино… Да, вот оно! Интересно, оно настроено?

Он сел за пианино и, открыв крышку, пробежался пальцами по клавишам.

– Да, похоже, его регулярно настраивали.

Дэвид заиграл. Его техника была превосходной, мелодия легко лилась из-под его пальцев.

– Что это за мелодия? – спросила Хильда. – Знаю ее, но никак не могу вспомнить.

– Я уже много лет ее не играл, – ответил Дэвид. – Когда-то ее исполняла она. Одна из «Песен без слов» Мендельсона.

Нежная – пожалуй, даже чересчур – мелодия наполнила комнату.

– Сыграй что-нибудь из Моцарта, – попросила Хильда.

Дэвид покачал головой и заиграл еще одну композицию Мендельсона, но внезапно с силой ударил по клавишам и резко встал. Было видно, что он весь дрожит.

Хильда подошла к нему.

– Дэвид, Дэвид… – произнесла она, пытаясь его успокоить.

– Ничего… ничего… – ответил он.

Глава 4

Настойчиво прозвенел звонок. Трессильян поднялся со своего стула в буфетной и медленно направился к входной двери.

Звонок прозвенел снова.

Слуга нахмурился. Сквозь матовое стекло двери виднелся силуэт человека в шляпе.

Трессильян потер лоб. Что-то было не так. Как будто некое наваждение повторялось снова. Ведь наверняка это уже было. Наверняка…

Он отодвинул засов и открыл дверь.

В следующее мгновение наваждение исчезло.

– Здесь живет мистер Симеон Ли? – спросил стоявший перед ним человек.

– Да, сэр.

– Я хотел бы видеть его.

В Трессильяне легким эхом промелькнуло воспоминание. Интонация голоса напомнила ему те давние дни, когда мистер Ли только-только приехал в Англию.

Трессильян недоверчиво покачал головой.

– Мистер Ли – инвалид, сэр. И по причине нездоровья почти никого не принимает. Если вы, сэр…

Незнакомец не дал ему договорить. Он вытащил из кармана письмо и протянул его Трессильяну.

– Прошу вас отнести это мистеру Ли.

– Да, сэр.

Глава 5

Симеон Ли взял конверт и извлек из него единственный лист. Вид у него был озадаченный. Брови вопросительно поплыли вверх, однако губы растянулись в улыбке.

– Это просто замечательно! – воскликнул он и, повернувшись к слуге, добавил: – Приведи сюда мистера Фарра, Трессильян.

– Слушаюсь, сэр.

– Я как раз вспоминал старину Эбенезера Фарра, – сказал Симеон. – Он был моим партнером в Кимберли. И вот теперь приехал его сын.

В комнату снова вошел Трессильян.

– Мистер Фарр, – объявил он.

Вошел Стивен. Он явно нервничал и пытался прикрыть свое волнение развязностью.

– Мистер Ли? – спросил молодой человек, и на мгновение южноафриканский акцент прозвучал в его голосе резче обычного.

– Я рад вас видеть. Значит, вы сын Эйба?

Стивен Фарр глуповато улыбнулся.

– Мой первый приезд на старую родину, – сказал он. – Отец всегда говорил мне, что я должен непременно увидеться с вами.

– Верно, – произнес старик и оглянулся. – Это моя внучка, Пилар Эстравадос.

– Как поживаете? – сдержанно сказала Пилар.

«Хладнокровная маленькая чертовка, – не без восхищения подумал Стивен. – Удивилась, когда увидела меня здесь, но не показала вида».

– Рад познакомиться с вами, мисс Эстравадос, – с нажимом произнес он.

– Благодарю вас, – ответила Пилар.

– Садитесь, – предложил Симеон Ли, – и расскажите мне о себе. Вы надолго в Англию?

– Теперь можно не спешить, коль я приехал сюда, – рассмеялся гость.

– Верно, – согласился Симеон. – Вы должны погостить у нас.

– Послушайте, сэр. Я не могу вот так навязывать себя вам. До Рождества остается всего два дня…

– Вы должны отпраздновать Рождество вместе с нами. Или у вас имеются другие планы?

– Вообще-то, нет, но мне не хотелось бы…

– Тогда решено, – заявил Симеон и повернулся к внучке. – Пилар?

– Да, дедушка.

– Сходи к Лидии и скажи ей, что у нас еще один гость. Попроси ее подняться сюда.

Пилар вышла из комнаты. Стивен проводил ее глазами, что не скрылось от Симеона.

– Вы приехали прямо из Южной Африки? – спросил он.

– Именно так.

И они завели разговор об этой стране.

Через несколько минут в комнату вошла Лидия.

– Лидия, это Стивен Фарр, сын моего давнего друга и партнера Эбенезера Фарра, – пояснил Симеон. – Он останется у нас на Рождество, если вы сможете найти для него комнату.

– Разумеется, – улыбнулась Лидия, и ее взгляд задержался на госте. Она тут же отметила его загорелое лицо, голубые глаза и гордую посадку головы.

– Моя невестка, – сообщил Фарру Симеон Ли.

– Право, мне неловко, – произнес Стивен. – Неудобно навязывать себя, тем более канун семейного праздника.

– Вы такой же член нашей семьи, мой мальчик, – возразил Симеон. – Считайте нас своей родней.

– Вы очень добры, сэр.

В комнату вернулась Пилар. Она молча села возле камина и, взяв в руки «веер», принялась им обмахиваться. Взгляд ее был скромно устремлен в пол.

Часть III

24 декабря

Глава 1

– Отец, ты действительно хочешь, чтобы я остался здесь? – спросил Гарри, с вызовом откинув голову назад. – Я разворошил осиное гнездо, ты же знаешь.

– Что ты имеешь в виду? – резко спросил Симеон.

– Братца Альфреда, – ответил Гарри. – Моего доброго братца Альфреда! Ему, если мне позволено это сказать, неприятно мое присутствие в доме.

– Черта с два! – оборвал его Симеон. – Хозяин этого дома я!

– И все равно, сэр, я полагаю, что вы слишком зависите от Альфреда. Я не хотел бы расстраивать…

– Ты поступишь так, как я тебе говорю! – рявкнул на него отец.

Гарри нарочито зевнул.

– Что-то подсказывает мне, что я вряд ли превращусь в домоседа. Слишком душно здесь для человека, которого изрядно побросало по свету.

– Тебе пора жениться. Сколько можно порхать по жизни? – сказал Симеон.

– На ком? – спросил Гарри. – Жаль, что нельзя жениться на племяннице. Юная Пилар чертовски хороша.

– Положил на нее глаз?

– Коль речь зашла о женитьбе, скажу, что толстяк Джордж неплохо устроился. Кем была его женушка?

Симеон пожал плечами.

– Откуда мне знать? Джордж подцепил ее на каком-то показе мод, если не ошибаюсь. Она утверждает, что ее отец – отставной морской офицер.

– Наверное, был вторым помощником капитана каботажного судна, – сказал Гарри. – У Джорджа, если он не проявит благоразумия, возникнут с ней неприятности.

– Джордж – болван, – заключил Симеон.

– Зачем она вышла за него замуж? Из-за денег?

Симеон пожал плечами.

– Думаешь, что сможешь расквитаться с Альфредом? – спросил Гарри.

– Скоро сам увидишь, – мрачно ответил отец и позвонил в колокольчик. Хорбери появился практически мгновенно. – Попроси мистера Альфреда зайти ко мне.

Хорбери вышел.

– Этот тип подслушивает под дверью, – предположил Гарри.

Симон в очередной раз пожал плечами.

– Возможно.

В комнату решительно вошел Альфред. Заметив брата, невольно поморщился.

– Ты хотел видеть меня, отец? – спросил он, демонстративно игнорируя присутствие брата.

– Да. Садись. Я тут подумал, что мы должны пересмотреть кое-какие вещи, потому что теперь в доме будут жить еще два человека.

– Еще два?

– Для Пилар это родной дом, естественно. Да и для Гарри тоже.

– Гарри тоже будет жить здесь? – уточнил Альфред.

– Почему бы нет, старина? – спросил Гарри.

Альфред резко повернулся к нему.

– Я думал, ты и сам это понял.

– Извини, но это не так.

– После того, что случилось? Ты нас опозорил. Тот скандал…

Гарри сделал примирительный жест.

– Все осталось в прошлом, старина.

– Ты поступил некрасиво по отношению к отцу, после всего, что он для тебя сделал.

– Послушай, Альфред, тебе не кажется, что это касается в первую очередь отца? Если он хочет простить и забыть…

– Я так хочу, – сказал Симеон. – Гарри мой сын, в конце концов, и ты это знаешь, Альфред.

– Да, но… мне неприятно… за отца.

– Гарри будет жить здесь! – заявил Симеон. – Я так хочу. – Он положил руку на плечо сыну. – Я очень люблю Гарри.

Альфред встал и вышел из комнаты. Его лицо было белым как мел. Гарри встал и, смеясь, последовал за ним.

Симеон усмехнулся. Затем вздрогнул и огляделся по сторонам.

– Что это за чертовщина?.. Ах, это ты, Хорбери… Прекращай ходить крадучись.

– Прошу прощения, сэр.

– Ладно. Послушай, хочу дать тебе распоряжение. Пусть после ланча все поднимутся сюда. Все, до единого.

– Да, сэр.

– И еще. Когда они придут, ты придешь вместе с ними. Когда окажешься на полпути в коридоре, начни говорить громко, чтобы я мог тебя услышать.

Подойдет любой предлог. Ты меня понял?

– Да, сэр.

Хорбери отправился вниз.

– Если хотите знать мое мнение, нас ждет веселое Рождество, – сказал он Трессильяну.

– Ты на что намекаешь? – резко спросил тот.

– Погодите и все поймете, мистер Трессильян. Сегодня сочельник, и повсюду бродит веселый дух Рождества… В общем, сами увидите!

Глава 2

Они вошли в комнату и замерли у порога.

Симеон разговаривал по телефону.

– Садитесь! – Старик махнул рукой. – Одну минутку, – добавил он и продолжил разговор с невидимым собеседником на другом конце провода. – Это «Чарльтон, Ходжкинс и Брюс»? Это вы, Чарльтон? С вами говорит Симеон Ли. Да… Неужели?.. Да… Нет, я хотел бы составить новое завещание… Да, с тех пор, как я его составил, прошло немало времени… Обстоятельства изменились… Нет-нет… никакой спешки. Не хочу портить вам Рождество. Можно сразу после Дня подарков[9 - День подарков – первый будний день после Рождества, в который принято дарить подарки домашней обслуге и приходящим в дом работникам сферы услуг.] или даже денька через два. Приезжайте, и я скажу вам, какие изменения следует внести… Нет-нет, у меня все в порядке. Я пока еще не собираюсь на тот свет.

Симеон вернул телефонную трубку на рычаг и посмотрел на восьмерых членов своей семьи.

– Как-то вы все мрачно выглядите, – усмехнулся он. – Что случилось?

– Ты послал за нами… – начал Альфред.

– Извините… ничего важного, – быстро ответил Симеон. – Или вы решили, что это семейный совет? Нет, я просто устал сегодня, только и всего. Вам не нужно подниматься ко мне после ужина. Я лягу спать. Хочу хорошо выспаться – и проснуться в Рождество свежим, как огурчик. – Старик усмехнулся.

– Конечно, конечно, – серьезным тоном произнес Джордж.

– Старая добрая традиция – Рождество, – сказал Симеон. – Помогает упрочить семейные узы. Ты согласна со мной, дорогая Магдалена?

Магдалена Ли вздрогнула. Ее глупый маленький рот приоткрылся и тут же закрылся снова.

– О… да! – сказала она.

– Одну минутку, – начал старик, – ты жила с отставным морским офицером… своим отцом. Вряд ли вы отмечали Рождество с размахом. Для этого нужна большая семья!

– Да… да… пожалуй, так… верно.

Взгляд Симеона скользнул мимо нее.

– Не хотелось бы по случаю праздника говорить о неприятных вещах, но, Джордж, боюсь, мне придется слегка урезать твое содержание. К сожалению, дом потребует в будущем дополнительных расходов.

Лицо Джорджа сделалось пунцовым.

– Но, отец, ты не можешь так поступить!

– Неужели? – вкрадчиво спросил Симеон

– Мои расходы велики. Крайне велики. Скажу больше, я не знаю, как свести концы с концами. Приходится экономить буквально на всем.

– Пусть этим займется твоя жена, – невозмутимо произнес старик. – Женщины знают в этом толк. Они часто находят способ сэкономить там, где мужчинам это даже в голову не придет. Умная женщина может сама шить себе одежду. Моя жена, насколько мне помнится, ловко обращалась с иголкой. Она со всем справлялась… славная была женщина, но страшная зануда…

Дэвид вскочил с места.

– Сядь! – сказал ему отец. – Еще что-нибудь разобьешь…

– Моя мать… – начал Дэвид.

– У твоей матери мозги были, как у блохи! – заявил Симеон. – Боюсь, что она передала их детям.

Он неожиданно поднялся с кресла. На его щеках выступили красные пятна; голос сделался высоким и пронзительным.

– Вы не стоите даже пенни, ни один из вас! Вы все мне противны! Вы не мужчины! Вы – слюнтяи, кучка женоподобных слабаков! Одна Пилар стоит вас двоих вместе взятых! Клянусь всеми святыми, у меня в этом мире есть другой сын, который куда лучше любого из вас, даже если вы родились в законном браке!

– Послушай, отец, погоди! – крикнул Гарри и, вскочив на ноги, застыл на месте. Его обычно добродушное лицо было хмурым.

– То же самое касается и тебя! – оборвал его Симеон. – Что ты за всю свою жизнь сделал? Со всех концов света умолял меня прислать тебе денег! Говорю вам всем – меня тошнит от одного вашего вида! Ступайте прочь!

Тяжело дыша, он откинулся на спинку кресла. Члены семьи медленно, один за другим вышли из комнаты. Джордж кипел возмущением. На лице Магдалены застыл испуг. Дэвид был бледен и заметно дрожал. Гарри стремительно

выскочил из комнаты. Альфред вышел с видом сомнамбулы. Лидия последовала за ним с гордо поднятой головой. Лишь Хильда задержалась у порога и медленно вернулась в комнату, где встала рядом с креслом старика.

Когда тот открыл глаза и увидел ее, то невольно вздрогнул. Было в ее неподвижно застывшей позе нечто зловещее.

– Что такое? – раздраженно спросил Симеон.

– Получив ваше письмо, я поверила вашим словам… будто вы хотите, чтобы на Рождество вокруг вас собралась вся ваша семья. И я убедила Дэвида приехать сюда.

– И что и этого? – спросил Симеон.

– Вы ведь хотели, чтобы вокруг вас собралась вся семья, – медленно проговорила Хильда. – Но не с той целью, которую заявили. Вы собрали их здесь затем, чтобы всех перессорить! Бог вам в помощь, если вы решили таким образом позабавиться!

– Меня всегда отличало специфическое чувство юмора, – усмехнулся старик. – Я не жду, что кто-то оценит мою шутку. Я сам доставляю себе удовольствие!

Хильда ничего не сказала. Симеону это не понравилось.

– О чем ты задумалась? – резко спросил он.

– Я боюсь… – нехотя призналась Хильда Ли.

– Ты боишься… меня? – уточнил старик.

– Не вас, – ответила она. – Я боюсь за вас!

Словно судья, который только что вынес приговор, она отвернулась от него и медленной, тяжелой поступью вышла из комнаты.

Симеон проводил ее глазами. Затем поднялся и подошел к сейфу.

– Давай-ка взглянем на моих красоток, – пробормотал он.

Глава 3

Без четверти восемь раздался дверной звонок. Трессильян отправился открыть дверь.

Вернувшись в кладовую, он застал там Хорбери. Тот поднимал с подноса кофейные чашки и разглядывал клеймо на донышке.

– Кто это был? – поинтересовался Хорбери.

– Суперинтендант полиции, мистер Сагден… осторожнее!

Поздно. Хорбери выронил чашку, и она разбилась.

– Вы только посмотрите! – посетовал Трессильян. – Одиннадцать лет я мыл этот сервиз и не разбил ни одной чашки. И вот появляешься ты, прикасаешься к тем вещам, к которым не следует прикасаться, – и посмотри, что случилось!

– Простите, мистер Трессильян. Мне очень жаль, – извинился лакей; на его лице выступили бисеринки пота. – Даже не знаю, как это получилось. Вы сказали, что заходил суперинтендант полиции?

– Да, мистер Сагден.

Лакей облизал пересохшие губы.

– Что ему… Зачем он приходил?

– Собирал пожертвования на приют для детей полицейских.

– Вот как! – Хорбери распрямил плечи и более естественным голосом спросил: – Ему что-то дали?

– Я отнес мистеру Ли книгу с подписями жертвователей. Он попросил меня пригласить суперинтенданта к нему наверх и принести им хересу.

– Сплошное попрошайничество в это время года, – заметил Хорбери. – Несмотря на кучу недостатков, старый черт щедр, с этим не поспоришь.

– Мистер Ли всегда был чужд скаредности, – с достоинством проговорил старый дворецкий.

Хорбери согласно кивнул.

– Это лучшее, что в нем есть! Ну, мне пора идти.

– Собрался в кино?

– Пожалуй, схожу. Еще увидимся. До скорого, мистер Трессильян.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Пер. М. Лозинского.

2

Джеймс Уотт – муж старшей сестры А. Кристи.

3

Вельд (велд) – обширные засушливые плато в Южной Африке, главным образом в ЮАР, расположенные в междуречье рек Лимпопо и Вааль и в верхнем течении реки Оранжевая.

4

Роман А. Кристи «Рождество Эркюля Пуаро» был написан в 1938 г., когда в Испании шла гражданская война.

5

Эдвард Коли Бёрн-Джонс (1833–1898) – британский художник.

6

Намек на библейскую притчу о блудном сыне, в честь возвращения которого отец велел заколоть тучного тельца (Лк. 15:11–32).

7

Имеются в виду семь жен Синей Бороды из сказки Ш. Перро.

8

Английская народная сказка.

9

День подарков – первый будний день после Рождества, в который принято дарить подарки домашней обслуге и приходящим в дом работникам сферы услуг.

Купить: https://tellnovel.com/agata-kristi/rozhdestvo-erkyulya-puaro-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити